

18+

Людмила Angel Анна Кот

ЧЁРНЫЕ ПТИЦЫ ПАДАЮТ В НЕБО

Анна Кот

Людмила Angel

Чёрные птицы падают в небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305213

ISBN 9785449325198

Аннотация

Когда во тьму падают черные птицы, это означает лишь одно: они больше не могут летать, они... мертвы... Если ты будешь звать – оно обязательно услышит!

Чёрные птицы падают в небо

Людмила Angel
Анна Кот

Дизайнер обложки Sai Elena

© Людмила Angel, 2023

© Анна Кот, 2023

© Sai Elena, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4493-2519-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
1.

Не могу дышать...

Как чёрные птицы в таком же чёрном проклятом небе, как застывший осенний воздух в лёгких, что камнем давил на рёбра, как тишина, оглушающая и разрывающая барабанные перепонки, лишь один вздох, один единственный. Но эти руки железной хваткой впились в шею, а ненавистные птицы кружились всё ниже и ниже, им бы плоть мою разо-

рвать на куски, на части, а мне лишь один вздох нужен был.

Я помню это лицо, кажется, каждую морщинку и трещинку, эти спокойные глаза, надменную ухмылку, а мне бы воздуха глоток. В висках стучало невыносимо громко, но я слышала и свой хрип, пугающий хрип без пяти мертвеца. Жизнь покидала тело мое, сочась теплом с кончиков пальцев, и вот я уже не чувствовала рук, и в лёгкие словно набился песок, и сердце, что почти замерло. А птицы так низко были, кажется, их крылья шуршали по моему лицу, царапая кожу...

И я подумала о тебе, о том, чего не успела тебе сказать... Если бы я только могла знать, что мы виделись тогда в последний раз, я бы столько всего тебе поведала, я бы открыла тебе самые тайные мысли свои, которые душили меня годами... Ты уходил, а я верила, что это не конец, не последний раз, что мы еще увидимся, я смотрела тебе в спину, и сердце мое сжималось, но я знала, что мы еще обязательно помиримся, ведь я не сказала тебе самого важного! А что теперь? Я задыхалась, и агония моя была невыносима, словно слишком много было не сделано, чтобы уйти вот так внезапно и навсегда. Но кто мог предугадать такое? Кто мог сказать мне, что здесь, недалеко у обрыва, где плещется вода, я встречу этого человека, на первый взгляд ничем не примечательного и мирного, но именно он оборвет мою жизнь. Что я сделала? За что? Я никому не желала зла, никому не причиняла боли, или же это было не нарочно. Кто дал ему право распорядиться моей жизнью? Только не так, только не сей-

час!

Я смотрела в небо, и реальность покидала меня вместе с жизнью, но я должна была найти хоть что-то, что могло спасти меня. Мои онемевшие пальцы скребли землю, но ничего под руку не попадалось. А шум в ушах всё нарастал, я отчаянно молотила ногами, из последних сил пытаюсь вырваться из рук своего убийцы. В последний рывок я вложила все силы, что оставались в моем теле. Мысли хаотично гомонили в голове. Сейчас или никогда! Сейчас, или я умру вот так, здесь, посреди парка, где так часто гуляют люди, даже не подозревая, что в паре метров будет лежать труп девушки. Сейчас, или это конец! Я ринулась вперед, и на секунду мне показалось, что руки мучителя разжались, и он выпустил меня, вырвав лишь клочок волос. И я полетела вперед, сквозь ветки и кусты, как невесомая пушинка, не чувствуя ничего, кроме страха и отчаяния! Но когда я оглянулась назад, я закричала беззвучным голосом... Я летела не вперед, а вверх, а тело мое осталось там, внизу, в ворохе опавших листьев, с вытаращенными глазами и скрюченными холодными пальцами. Он убил меня... Убил! Убил! И часть меня возносилась всё выше, я видела ледяной океан, старый маяк, желтеющий лес и хмурые тучи. Я всё кричала и кричала, но звука не было, голоса не было, ведь его нет у призраков... Я призрак? Я рвалась вниз в свое тело, но невидимые потоки несли меня к тучам. Я сопротивлялась им, что есть сил, и вот они ослабли, и выпустили меня, я камнем рухну-

ла на землю, подняв в воздух сухие листья и пыль, словно я всё еще была материальна. Побежала по лесу, в том направлении, где, казалось мне, осталось мое тело. Я неистово кричала, ветром просачиваясь сквозь деревья, это уже была не я, но тогда я отказывалась верить в происходящее. И вот на пути моем возник тот человек, что убил меня... Нет! Он спокойно шел, уткнувшись в телефон. Он точно сделал это? Он не мог, нет... Я миновала его и бросилась в кусты, и.. там лежало оно... мое тело, ничем неприкрытое, не спрятанное и еще тёплое, брошенное, как мусор... А ведь это был целый мир, моя жизнь! Я склонилась над ним, но птицы так и не прилетели, они остались в небе и жалобно звали меня.

Это был день моей смерти, день, когда мир мой провалился в ад, когда он разделился на «до» и «после»... День, когда я превратилась в чудовище, бестелесное, но вечно голодное. Отчаяние – это всё, что мне осталось тогда, всё, что наполняло меня и было смыслом. Что такое смерть? Это конец всего, что было или не было, что жило в мечтах, или существовало на самом деле, все несказанные слова, обещания, все желания и пути, это конец, ничего больше не будет. Теперь ты воспоминание, мысль, прах, ты ничто. Ты можешь осознать это? Можешь смириться с этим? Готов ли ты на это? Я не была готова, я металась в агонии по увядающему лесу, я кричала снова и снова, я взметала листья в воздух, но это всё, что я тогда могла... На помощь никто не пришел... Никто не спас меня...

1.2

Фрустрация

Чёртов будильник очередной раз вытягивает меня из сновидений, сплюнув в реальность.

Не-

на-

ви-

жу

утро.

Ненависть. Что я знаю о ней?

Ведь очень долгое время я лелеяла и оберегала в себе равнодушие, которое оттачивала годами.

Чтобы ни произошло в этой жизни – плевать.

Плевать. Плевать. Плевать.

Только в этом прекрасном чувстве я не учла одну важную вещь: равнодушие страшнее холодной войны, ее яд действует быстрее, ее оковы сильнее сжимают горло. И теперь, когда не осталось мест, куда бы ни проникла эта отравка, я возвращаю в себе ненависть. Я чувствую, как она начинает течь по моим венам и артериям. Как она скользит по пищеводу и заполняет мой желудок. Как она обволакивает мое сердце черными тканями, зашторивая окна моей души.

Я – сгусток поражённых тканей, воспалённое сознание микрокосмоса.

Я – раковая опухоль обезображенного эго.

И теперь ровно в шесть утра я начинаю ненавидеть все по кругу, от общего к частному.

Какого чёрта я должна просыпаться по утрам, идти куда-то, где я не очень-то счастлива, к людям, которые не очень-то рады меня видеть?

Ненавижу этот город с этими узкими улочками и пронизывающим до костей морским ветром.

Здесь мне ненавистно всё, обычно я хожу с опущенной головой, лишь бы только не видеть эти обшарпанные окна и подъезды.

Ненавижу этот дом, в нём душно, в нём слёзно и я совсем не чувствую себя в безопасности.

Каждую ночь тени сползают с потолков чёрной жижей и продавливают меня всё глубже в ад. Дрожь бьёт мне по рёбрам, и я закрываю ладонью себе рот, чтобы не прорезать ночную тишину своими отчаянными воплями о помощи.

Горошины слёз мгновенно застилают мне глаза.

И мне снова страшно.

Я ненавижу своё отражение в зеркале.

Безжизненное и унылое оно смотрит на меня ровно и спокойно, будто бы сдерживая мою ярость внутри меня же. Хочется разбить это чёртово стекло и найти за ним другое, которое покажет истинную меня. Но самый эпицентр моей ненависти, точка невозврата, где мои нервные окончания опалаются и приносят жестокую и несправедливую боль –

мой отчим. Стоит мне на секунду подумать о нём, как мои глаза моментально наполняются кровью, а сердце начинает отбивать бешеный ритм. «Ненавижу тебя! Умри, умри, умри! В мучениях, в адском пламени умри!» Но этот подонок будто слышит мои мысли и, как назло, пытается нанести мне еще больше страданий. Его словесные пули пронзают мою оболочку ежесекундно – в самое сердце, в солнечное сплетение, промеж глаз. Мест больше не осталось. Бинты, полные запёкшейся крови: их давно пора снять и продемонстрировать всем свои зияющие раны.

Я Лилит Крамер. Завтра мне исполнится 16 лет.

А послезавтра, в 22:45 я умру. Как умирают киты, которые выбрасываются на берег, когда не хотят больше жить.

Но обо всём по порядку.

2. Иглы в сердце

Вообще-то, в детстве со мной было не так много проблем. Просыпалась без истерик, засыпала рано и, несомненно, предпочитала сидеть дома, перебирать свои игрушки, смотреть одни и те же мультфильмы по сто раз и вырезать фигурки животных из цветной бумаги. Всё это доставляло мне куда больше удовольствия, чем носиться по двору, разбивать коленки и пачкать свои колготки. Дальше своей школы я не ходила никогда и ни с кем, даже не чувствовала в этом какой-то надобности, отчего моя мама была абсолют-

но счастлива. К слову, о ней. Её зовут Джесс.

В своё время она была профессиональной гимнасткой, отдавалась спорту целиком и полностью. Годами она оттачивала своё мастерство в зале, не жалея сил и здоровья, падала с брусьев и получала серьёзные травмы. Как-то её забрали в больницу с ушибом крестца, но через пару недель она с гордым видом вернулась в зал, и, стискивая зубы от боли, продолжала тянуть свой бесконечный шпагат. Она молодец, конечно, я люблю пересматривать её старые фотографии – белокурая, длинноногая красавица, с ясными голубыми глазами. Представляю, как парни не давали ей прохода. Да будь я мужчиной, то, несомненно, сама влюбилась бы в неё! Всё это было, пока она не встретила Вилмера.

Знакомьтесь, вот и мой родной отец. После школы он решил добровольно уйти в морские войска и целых 10 лет рассекал водное пространство, путешествуя по миру. Он рассказывал мне, как здорово купаться в открытом океане и как опасно бывало по ночам на судне. О стопроцентной и поглощающей тишине экватора, которая сводила с ума и заставляла моряков прыгивать с корабля, отправляясь в свой вечный морской покой. Прошло ещё пять лет и это осталось лишь его приятным воспоминанием. Жизнь – беспощадная штука, продавливает хребет так сильно, что иногда приходится отказываться от мечты, которую ты лелеял, заставляет

начать совершенно другое, более спокойное существование, во благо каких-то призрачных ценностей. Однако, в своём сейфе он держал коллекцию стареньких флажков, чёрно-белые фотографии океана и валюту почти из каждой страны. Он был невероятно горд этим и не упускал случая продемонстрировать своё «богатство» друзьям и знакомым, когда они собирались у нас дома. Почему-то мне кажется, что с мамой они были идеальной парой. Но родилась я, и её словно подменили.

Её небесного цвета глаза вмиг потухли, превратившись в серые провалы, лицо стало бледным, а сама она сторбилась, словно столетняя старуха. Днями напролёт она стала читать какие-то странные стихи у креста, который она повесила у себя над кроватью, вместо того, чтобы заниматься семьёй и домашним уютом. Она развесила их повсюду – на кухне, в прихожей, в ванной и даже в моей комнате, там их было больше, чем где-либо. Едва я научилась читать, она принесла мне огромную и тяжелую книгу с надписью «Библия» на черной обложке и положила на стол со словами «ты должна это прочесть и выучить всё написанное наизусть».

Я не понимала ни слова и, немного полистав, откинула её за стол. Она заметила это и в миг, обезумев, схватила эту книгу и стала бить ею меня по рукам, крича, что Бог не терпит такого отношения, и я немедленно отправлюсь в ад за непослушание.

– Бог учит нас смирению, Лилит, – повторяла она мне с каждым наносимым ударом, – ты должна благодарить за это Бога, дитя. Бог любит тебя, поэтому посылает тебе такие испытания. Нужно бояться грешить, Лилит. Ты грешна, – твердила она.

Я не понимала ни слов, ни причин, по которым я получаю такие увечья.

Она стала пропадать по вечерам, мой отец не знал, где она и с кем. Возвращаясь поздно домой, она говорила монотонно, что была в Божьем доме, отмаливала все грехи и грязь. Но они ругались, с каждым днём всё чаще и сильнее.

Однажды утром они опять ссорились, крик стоял на весь дом, будто сотрясая стены. В такие моменты всегда казалось, что моё подвешенное сердце с грохотом падает на бетонную плиту, разбиваясь, и все осколки впиваются в самые кости, в самую мою душу. Я затыкала уши, чтобы их голоса оставались где-то далеко, чтобы это всё шло мимо меня, будто это всё не со мной... Будто это вовсе не я...

И тут темнота. Я падаю. Медленно. Спокойно. В глубину. В бездну. В самое тёмное дно своей памяти и снова оказываюсь на этой кухне, спустя много лет после этого. Черная рукоятка от кухонного ножа врезается в мамину челюсть. Мгновение. И она уже на полу, закрывая ладонью лицо. Кровь льётся из её рта багровыми полосками. Но я ничего не могу поделать, все мысли об этом – они мне, как нож перочинный в горле.

«Папа, пожалуйста, не надо» – воспоминания проступают слезами на глазах, нет сил остановить этот поток. Первая рваная дыра в моём теле, которая никак не заживёт. Первые ржавые иглы в моём сердце, которые всё ещё гниют внутри.

Если это и есть тот Бог, что посылает мне все испытания, то я ненавижу тебя, кровавый и беспощадный Вседержитель!

2.2.

Ветер

Эйден... Я повторяю твое имя, как заклятие, каждую минуту, унося в потоках воздуха воспоминания, короткие обрывки из снов, а было ли всё наяву? Жила ли я? Эйден, кто мог знать, что я больше никогда тебя не увижу? Я так сожалею, что ничего не успела, я, или то, что осталось от меня, мечусь в стае черных птиц, что летят над заливом. Их перья часть меня, их крылья и есть я... Эйден, отсчитать бы те минуты назад, вернуть тот момент, когда ты уходил, а я так и не решилась крикнуть вслед, как ты был мне важен! Не плачь на моих похоронах, моя любовь существует вне времени и пространства, она будет укрывать тебя и оберегать. Пока ты помнишь мое имя, я буду жить в каждом воспоминании, в каждом вздохе твоём. Не уходи... ты важен, ты дорог мне... останься... Я никогда не смогу уже сказать тебе этого, и отчаяние мое так же велико, как и моя любовь...

Всё дальше от тебя, всё выше в небо... Найди меня, пока я совсем не истлела, там в лесу, недалеко от тропинки, я лежу и смотрю на удаляющуюся стаю птиц, в которой теперь моя душа, она рвется на части, я не хочу уходить, ты... важен мне... Нет, нет, только не так, только не сейчас, я не могу смириться!

Слишком много вопросов, на которые мне нужны ответы, я не готова, не могу быть готова... Но что я теперь? Я помню твои глаза, так отчетливо, как будто ты сейчас стоишь передо мной... Что с тобой будет, когда ты узнаешь, что меня убили? Что теперь будет... с нами...? Ведь больше нет никакого «мы», смерть – это конец! Нет, я не могу вот так просто уйти, не могу! Этот мужчина убил меня, когда я шла по парку, он просто схватил меня за горло и уволок в кусты. Нечто тяжёлое и мрачное внутри меня желало ему зла, но я просто хотела жить! Он повалил меня на землю и сдавил горло, и душил до тех пор, пока я не умерла, злобно шепча мне в лицо оскорбления, словно в этом был смысл, словно это не он, а я была виновата в происходящем. Кто он? Кто он такой? Что он возомнил о себе? И почему он решил, что может убить меня? Вся моя сущность желала вырваться из его каменных объятий, чтобы спастись, чтобы нанести ответный удар за причинённую мне боль, но... я умерла...

В моей квартире осталась кошка, если через несколько дней никто не взломает дверь, она погибнет тоже, страшной, мучительной, голодной смертью. Бедная моя Мисти! Про-

сти меня, я не смогу спасти тебя! Потому что меня больше нет. Понимаешь? Нет меня! Боже, как с этим смириться? Я не могу! Не могу уйти вот так внезапно! Я мертва, а убийца мой жив, он вернется домой, он съест свой ужин, он будет говорить с людьми, со своими родными, а потом он снова пойдет в парк, и задушит очередную жертву? Я не верю, что я была единственной, не верю, что он сможет остановиться! Мы все не можем сопротивляться этому тлетворному влечению слабости...

Эйден, найди меня! Узнай, кто убил меня! Доберись до правды. Я хочу, чтобы убийца мой был пойман, чтобы он ответил за мою смерть, чтобы он больше никогда и никому не причинил боли!

Эти птицы несут меня над городом, утопающем в тумане и холоде. Их крики жалобно разносятся эхом. Может, я тоже стала птицей? И теперь крылья мои разрезают воздух вместе с остальной стаей? Мысли путаются... Что я теперь такое? Призрак? Энергия?

Эйден, руки твои, такие тёплые и родные... Ты даже не обнял меня на прощание, ты уходил, а сердце моё разрывалось на части... Как же я удержалась тогда, чтобы не закричать? Почему я позволила тебе уйти? Я бы всё отдала, чтобы хотя бы еще раз тебя увидеть, обнять тебя, взять тебя за руку! Я бы всё отдала, но у меня теперь ничего нет... Я должна найти тебя, я должна придумать способ, как сообщить тебе, где я... Запомни меня живой и счастливой. Вы-

кинь те последние дни, когда я рыдала в отчаянии, когда мы наговорили друг другу столько плохих слов! Они ничего не значат, потому, что я знаю, что не думала так, и ты не думал... Мы просто на миг стали чужими, и этот миг разделил нас... навсегда... теперь уже навсегда, но тогда я этого не понимала... Запомни меня живой, а не такой, какой я буду лежать в гробу своем, бледной и осунувшейся... мёртвой... Нет, этого не может быть! Как же так? Если бы у меня был голос, я бы сейчас срывала его в крике, но вместо этого я мечусь в стае чёрных птиц, между ними, не зная, как упасть снова вниз, чтобы найти тебя, Эйден...

Я не знаю, сколько прошло времени, но туман уже отполз обратно к морю, и на город спустилась ночь. Птицы расселись на деревьях, а я пытаюсь управлять собой, я только вижу, но ничего не чувствую, я всё слышу, но ничего не могу сказать... Я не понимаю, как мне перемещаться, мое состояние все более и более неконтролируемое, меня может подхватить ветер, я могу зацепиться за любой предмет, за летящих птиц! Я словно становлюсь всё более не материальной, и мне кажется, скоро я совсем растворюсь. Но мысли об убийце и Эйдене не дают мне исчезнуть. Это отчаяние, злость и боль придают мне сил. Они держат меня в мире живых, и они же заставляют безмерно страдать. Я не могу уйти вот так! Я хочу, чтобы мое тело нашли, чтобы его похоронили, чтобы Мисти была жива, и чтобы мой убийца был пойман, либо, чтобы он погиб мучительно и страшно, как

заслуживает того... Мне ничего больше не осталось, дайте мне хотя бы эти крупницы, дайте мне надежду! Если бы я была способна плакать, я бы захлебывалась от слез сейчас, мне невыносимо плохо! Я хочу обнять тебя, хочу видеть, хочу сказать, как ты был мне важен... Но как мне сделать это?

Я медленно спускаюсь вниз по воздуху, словно я пушинка, семечко, кленовый лист, чем яснее мои мысли, чем лучше я представляю свой путь, тем точнее я лечу. Я приземляюсь посреди улицы, залитой светом ночных фонарей. Я воображаю, что у меня есть ноги, и я иду по асфальту вперед, и я действительно движусь, но любой порыв лёгкого ветра сносит меня в сторону, и я почти физически ощущаю это противостояние, мне приходится концентрироваться на каждой детали, не выпускать ничего, цепляться взглядом за каждый камень. Я знаю эту улицу, в паре кварталов его дом. Его... дом... Я найду Эйдена, я расскажу ему, что меня убили, он должен знать правду... Я не успокоюсь, пока мой убийца не будет наказан, и... пока ты не узнаешь, насколько я сожалею, что дала тебе тогда уйти...

3.

Психоз

В дверном проёме показался худощавый человек в потёртых джинсах светло-голубого цвета и неряшливо заправленной рубашкой.

Я вижу его глаза. Они большие и серые, густые длинные ресницы делают его взгляд спокойным и бархатистым, кажется, что он несёт в этот мир только добро и благие вести. Впрочем, забудьте это мягкое и тёплое ощущение!

Это Джид Конрой – мой без пяти минут отчим.

Моя ненависть. Мои 90% сжигающих мыслей. И, как следствие, главная причина умереть.

Кажется, ему лет тридцать пять, а то, может, и больше, его грязно-рыжие волосы старят его ещё сильнее, а нелепо расположенные веснушки на лице -отталкивают. Он похож на длинного и скользкого червя, который выполз на дорогу после ливня в субботний день.

Всё, что я знаю о нём, так это то, что он долгое время работал водителем школьного автобуса, жил на окраине города со своей матерью, в небольшом домике, который остался им в наследство от отца, почившего этот мир пару лет назад от рака горла. Он много курил, не брезговал алкоголем и малознакомыми женщинами. В доме он держал всё под своим контролем, и любое непослушание жёстко пресекал, конечно же, с помощью физической силы.

А мать Джиды, угрюмая и забитая женщина, много лет спустя, так и не смирившись с потерей мужа, стала постоянно что-то бормотать себе под нос, а потом вовсе потеряла память и остатки своего рассудка. Она могла не мыться неделями, а то и месяцами, сидела в своём кресле и часами раскачивалась из стороны в сторону.

Самое ужасное в этой истории то, что иногда ночью она приходила в комнату Джиды, ложилась к нему в кровать и засыпала.

На тот момент сыну было тридцать лет. Не знаю, была ли у него когда-нибудь женщина до моей мамы, поскольку он был ужасно глуп и нелеп, когда пытался ухаживать за ней.

Сентябрь, после полудня. Со школы я возвращаюсь, как обычно, уставшая и с одним единственным желанием поскорее и надолго уснуть. Открываю дверь, попутно кидая рюкзак в центр коридора. На нашей кухне накрыт стол и, кажется, запах от приготовленной еды проник в каждый уголок дома.

– Что за повод к пиршеству? – снимаю наушники и захожу на кухню. Вот он, настал этот переломный момент, когда моя жизнь чётко и ровно разделилась на «до» и «после». Наши взгляды пересеклись, и я смогла промямлить что-то вроде «з..з..здрассте..».

– Здравствуй, Лилит! Меня зовут Джид Конрой, твоя замечательная мама так много рассказывала о тебе! Как твои дела? Как учёба?

– Да, это, нормально... Вроде...

– Скорее садись за стол, дорогая, обед стынет! – лепечет мать и ставит передо мной тарелку с огромной порцией пасты, густо посыпанную пармезаном.

– У меня есть для тебя небольшой подарок, в честь, так сказать, нашего знакомства!

– Круто... – ковыряясь в своей тарелке, отвечаю я.

– Вот, держи, – он протягивает мне небольшой пакет, в нём розовая упаковка с чаем и такой же розовый сервис к нему. Более странного подарка в жизни не получала!

Потом они весь вечер о чём-то мило болтали, подмигивали друг другу, смеялись, спорили, потом опять смеялись, периодически что-то спрашивали у меня, про мою любимую музыку или книгу, предложили собраться и поехать в кино, поесть попкорн, ну, а мне хотелось сидеть и смотреть в одну точку, чем я, собственно, и занималась, а потом резко встала и ушла в свою комнату.

– Лил, детка, что случилось?

– Я устала.

– Но ведь мы решили пойти в ки... – захопываю за собой дверь, не дослушав до конца.

В темноте я пытаюсь найти свою кровать, натываюсь на неё коленом и медленно сажусь на край. Мне хочется побыть в тишине некоторое время, чтобы прийти в себя. Неприятие. Нет, нет... Нет... Не может этого быть. Наш маленький уютный мирок теперь разрушен навсегда! Пробивная ревность вперемешку со слезами разливается во мне медленно и тягуче, словно лава и застывает иголками на кончиках пальцев...

В мою жизнь, не постучав, вошла опасность. Она всегда обрушивается в самый неожиданный момент. Сначала принимает безобидный вид, потом долго идет за тобой по пя-

там, дышит в спину, а подойдя близко настолько, насколько это возможно, делает пару ножевых, да так, что и вздохнуть не успеешь, как валяешьсядохлым в луже собственной крови. В моё тело вошла леденящая дрожь и сковывает мышцы, выворачивает наизнанку, не даёт дышать.

В моё сердце пустили яд, и он обволакивает меня своими страшными чёрными щупальцами. Внутри меня, сгустком обезображенной ткани, растёт нечто, что с каждым днём застилает мне глаза белой пеленой. Внутри меня пустота и в этой пустоте грохочет и завывает ненависть...

...В проёме худощавый человек с добрыми глазами.

За ним дверь. За дверью – ад. Человек открыл передо мной дверь.

И я вошла. Опасность рядом... Опасность прямо за тобой, обернись, Лилит, обернись скорее...

3.3.

Тера

Что, если я совсем исчезну? Растворюсь в воздухе, словно эхо? Что, если даже призрака моего не станет? Могу ли я допустить, чтобы это произошло? Я не хочу осознавать до конца, что со мной случилось..., не хочу, потому что это выше моих сил... моего понимания, я отказываюсь верить в это! Человек с растрепанными волосами и таким пронзительным взглядом светлых глаз, он чётко знал, чего хочет, это не было

случайностью, он убил меня! И оставил лежать там, в лесу! Все его движения были вымеренными, спокойными и неторопливыми. Его сухие пальцы сдавливали горло отточенным приемом. Я не первая, и даже не вторая. Монстр лишил меня жизни. Монстр будет дальше убивать... Он шептал мне хриплым голосом, что это я монстр, и что он вынужден меня убить, обвиняя меня в моей же смерти, что может быть больнее?

Я застряла в лабиринте времени, я снова парю в воздухе... Убил... Убил... Убил... Этот человек убил меня! И никто не знает, где меня искать. Я поднимаюсь всё выше. Он будет думать, что я просто уехала куда-то, к кому-то... другому... Он...

Мысли об Эйдене возвращают меня в мир живых, не дают взлететь окончательно в небо, где меня поджидают проснувшиеся птицы. Я снова падаю вниз и цепляюсь онемевшими пальцами за асфальт. Помни, кто ты! Помни, что у тебя есть цель! Не смей уходить, не смей растворяться! Не смей прощать! Тебя зовут Тера, Тера Ли, и ты умерла, кажется, это было сегодня, или уже вчера? Или несколько дней назад? Чёрт, время, оно... совсем потерялось... Тера, ты должна найти Эйдена, должна рассказать ему, что твое тело в парке, и... что ты очень любишь его... Пусть он не плачет, пусть не страдает, скажи ему, что будешь приходить к нему во снах, и всегда беречь его от мрачных мыслей... Боже, это невыносимо!

Я буквально ползу по дороге, потому, что ветер стремится унести меня в высь вместе с листьями, а я должна дойти до дома Эйдена. Тера, ты Тера Ли, не забывай своё имя, даже если все забудешь, даже если окончательно потеряешь счет времени, и безумие овладеет тобой, помни свое имя и... Эйдена, и иди вперед!

Я словно чувствую силы, они притягивают меня к земле, я встаю на ноги и уже просто иду, и чем сильнее моя злость и отчаяние, тем более материальной я становлюсь, более тяжелой, и ветер уже не может подхватить меня!

Я помню прошлое Рождество, когда мы сильно повздорили, мне казалось, что я не существую для него. Что я гребанный кусок обоев на стене! Он всегда обнимал меня, но смотрел куда-то мимо, он говорил какие-то важные слова, но бесцветно и машинально, он замкнулся в себе на какое-то время, и вот я не выдержала. И это были праздники, все вокруг дарили друг другу подарки, проводили время с семьями, а Эйден сказал, что хочет уехать на пару дней, просто уехать и все тут. И на мои вопросы он не хотел отвечать. Это стало последней каплей, я решила, что нам лучше расстаться, ведь всё напоминало какой-то до боли знакомый сценарий очень плохого фильма. Только сейчас я понимаю, какой глупой была тогда! Ведь у него был такой период, когда он хотел побыть с собой наедине, а я всё истерила и истерила, как заведенная. Я требовала, ругала его, кричала. И вот он первый раз ушел! Дверь за ним закрылась, и я осталась одна

в пустом доме. Наше расставание длилось неделю... Самую долгую неделю в моей жизни.

Я ждала звонка, но он не звонил. Я ждала сообщения, но он не писал. Я выпила ни одну чашку кофе, я скурила все сигареты, но он так и не появлялся, и только когда я поняла, что это может быть навсегда, меня охватила паника... И я позвонила ему сама... Надо было ценить каждую минуту, что мы были вместе, ведь столько всего произошло за эти два года, и не всегда хорошего, но я уверена, что ты любишь меня всем сердцем, как и я тебя... Эйден.

И вот смерть разлучила нас, казалось, так много времени еще надышаться... Исправить какие-то ошибки, всё изменить! А я уже не смогу взять твою руку, этого больше НИКОГДА не будет! Мне страшно. Если ты сможешь услышать меня, мне так страшно... просто невыносимо, и я не знаю, что же дальше будет, и будет ли? Мысли о тебе не дают мне уйти. Я бы хотела сказать тебе, как сожалею обо всех наших ссорах, о том, что, порой, была невыносимой и заносчивой, но я не переставала ценить тебя ни секунды! Я бы хотела сказать тебе, что целый мир был заключен для меня всего в нескольких твоих словах: «Я очень люблю тебя, я всегда ждал такую, как ты!». Ты был моей вселенной, тем лучом надежды в такой серой и неприглядной жизни. Я только прошу, не плачь, когда будешь хоронить меня, ведь я буду всегда жить в твоём сердце, в самом укромном его уголке. В воспоминаниях твоих, и наших совместных фото. Я всегда буду

слышать тебя, и бесконечно звать тебя, и, однажды, мы обязательно встретимся по ту сторону реальности, ведь невозможно любить сильнее!

Мягкий свет проникает в меня и сквозь меня. Уже утро, а я прошла всего несколько сот метров. Я вижу себя, свои руки, но проходящие мимо люди нет. Меня не существует, но я всё еще здесь, я никуда не делась, переместившись из одной реальности в другую, я продолжаю параллельно этому миру идти вперед по дороге. И пусть в моем новом теперь нет времени и материальных вещей, а черные птицы преследуют меня своей неугомонной стаей, я знаю, чего я хочу. И я не отступлюсь! Если есть в этом мире сила, способная остановить меня, то пусть она сделает это прямо сейчас, потому что с отчаянием моим растет и мой гнев, и скоро он вырвется наружу! Эти проклятые птицы засели в моей голове, их крики, их перья, почему всё так? Мой труп разложится в корнях деревьев, и я навсегда останусь лишь небольшим отрезком на шкале времени, всё дальше уходя в прошлое. Это грустная история, но она еще не закончилась, видит Бог, только не так! У нее уже плохой конец, заранее, ведь всё предрешено, только сценарий теперь будет мой, и тот человек, что задушил меня, он поплатится! Только бы выгнать крики чёрных птиц из мыслей моих, только бы тишины минуту, и боль эту унять! Помни, Тера, твой последний шанс на успокоение находится в мире живых, ты не должна уйти, пока не будешь отомщена, похоронена и оплакана! Пока мысли твои не на-

полнятся благоговением перед прощением, но только месть принесет его, и только она!

Еще несколько метров, всего несколько, и ты увидишь его! Сможешь ли ты как-то донести до Эйдена, что ты здесь? Сможет ли он услышать тебя? Не испугается ли? Эти вопросы и крики птиц готовы вырваться наружу смоляной жижей, готовы превратить меня в чудовище. Слишком сильно я хочу этого, я одержима. Несколько метров, и вы навсегда покинете мою голову. Я лишь хочу обнять его, я лишь хочу взять его за руку... Снова...

4.

Чёрная тьма

Мир заканчивается там, где больше нет надежд... Мир падает в бездну, твой собственный мир, в то время, когда весь остальной продолжает существовать. И никому нет дела до тебя, каждый день случаются сотни трагедий. Это обыденность, и это страшно...

Я у дома Эйдена, и если бы сердце мое билось, оно бы сейчас просто выпрыгивало из груди. Я вижу свет в его окнах, а значит, он там. Медленно проплываю мимо деревьев и останавливаюсь у двери. Пальцы мои чувствуют холод дверной ручки, но не в силах сжать ее. И вот отчаяние уже так близко, он рядом, я рядом, и всё тщетно? И тогда я закрываю глаза и просто делаю шаг вперед, ведь, если я при-

зрак, то материальные вещи должны проходить сквозь меня? Но мне страшно осознавать это. Табачный дым, я помню терпкий запах его сигарет. Открываю глаза, и вижу его, он стоит у окна на кухне и курит, вглядываясь в отблески рассвета. Почему он не спит? Потерял меня? Переживает? Не терзайся, мой милый, мне холодно под теми листьями и туманом, очень.., но разве могу я заставлять тебя грустить, разве могу я вынести скорби твоей?

Я приближаюсь вплотную, тепло живого тела проникает в мёртвые вены мои, застывшие черной кровью, причиняя мне неведомую боль, которой никогда не существовало прежде. О, как невыносимо видеть тебя, но не мочь обнять! Хочешь сказать тебе хоть слово, но произносить лишь тишину. Я плачу невидимыми слезами мертвеца, я кричу беззвучным криком отчаяния. Наверное, я выгляжу очень страшно: белая кожа, растрёпанные волосы... Наверное, это даже хорошо, что ты не видишь меня!

Эйден выдыхает дым и тушит сигарету.

Посмотри на меня, ведь я здесь! Ведь это всё еще я! Помнишь, как я всегда слушала твои истории, как мы хотели однажды поехать в горы, где на вершинах лежит снег, а у подножия цветут цветы? Помнишь, как ты всегда держал меня за руку, когда засыпал? Это же я, Тера! И если ты хоть как-то чувствуешь мое присутствие, я прошу тебя, дай мне знать. Мне невыносимо думать, что ты не слышишь меня, что даже не подозреваешь о том, что случилось со мной. Я знаю, что

ты ждешь моего звонка, чтобы помириться, но я уже никогда не смогу позвонить тебе, не смогу сказать тебе, как мне жаль, что я ушла вот так, в ссоре, в злобе, это причиняет мне боль, и в остывших венах начинает пульсировать чёрная жижа, что была раньше кровью. Последнее, что ты побудешь помнить обо мне – это ссора... Моё заплаканное, искаженное гневом лицо! Не так я хотела остаться в твоих воспоминаниях, не таким я видела конец нашей истории. Я говорю с тобой, если ты слышишь меня, дай мне знать, мне очень холодно... он... убил меня... слышишь? Убил! Я мертва! Ты должен найти меня!

Мгновение тянется вечность, и вот лучи безжалостного рассвета проникают сквозь меня, разрезая, как ножом, несуществующую мёртвую плоть. А чёрная жижа медленно проходит через сердце, пульсируя в венах, разливаясь отвратительным холодом. Я воплощение самой смерти, я не добро, я зло, отчаяние, сгусток гнева. Иначе я бы не осталась здесь!

Услышь меня! Все мои мысли обращены к тебе. Я знаю, ты чувствуешь меня рядом...

И вот он поворачивается ко мне... и улыбается своей прекрасной ясной улыбкой, его глаза мерцают. Ты так прекрасен, Эйден! Я всё ещё люблю тебя, и буду любить теперь уже всегда, но сейчас я пришла, чтобы сказать тебе нечто важное...

Он протягивает руку и... в меня проникает живая плоть, в меня, сквозь меня, наружу, вырывая сердце, лёгкие, ло-

мая рёбра, заставляя почти кромешно-чёрную кровь вываливаться сгустками изо рта... я задыхаюсь... Кто это? Он держит ее за руку, он протащил ее сквозь меня... он улыбался ей... Кто она? Что она делает рядом с ним?

– Она точно поняла, что вы расстались? – её голос звучит так радостно.

– Не знаю, наверняка будет звонить, как и в тот раз, но меня уже слишком все достало!

«Прошлый раз? Как и в прошлый раз? Звонить как в прошлый раз? Это когда мы были в большой ссоре, это когда я задыхалась от слез, ждала его сообщения, когда наступила на горло своей гордости!»

– Пусть звонит. Я возьму трубку, и скажу, что ты давно встречаешься со мной, и пусть отстанет уже от тебя!

«Давно?»

– Ну, перестань ревновать, ты же знаешь, что я тебя люблю, с ней всё было не так, я никогда не любил ее. Я просто не знал, как бросить ее, она всюду следовала за мной, как собака!

«Собака? Никогда? Эйден, что ты такое говоришь? Ты ли это? Я... не могу поверить. Нет! Замолчи!»

– Сумасшедшая.

– Да, но теперь всё кончено, я спровоцировал ссору, я оставил ее, пусть думает, что мы расстались по ее вине.

– А ты жестокий, – она целует его.

– Просто она, правда, достала меня, вечно несла какую-то

хрень про то, что мы будем всегда вместе, про заснеженные горы, что мы должны туда поехать! В горы, представляешь? Какого хрена я там забыл? А ее истерики, что я не обращаю на нее внимания, что я с кем-то переписываюсь, пока она ходит рядом.

– Но ты же и правда переписывался со мной.

– Да, и это, поверь мне, было очень сложно. Она всё норовила заглянуть мне через плечо и подсмотреть, кому я там пишу?

– Ненормальная.

– Точно, мне пришлось врать ей, что я люблю ее, чтобы она только отстала от меня, и дала мне фору, чтобы придумать, как же бросить ее? Знаешь ли, я не хотел быть козлом, пришлось думать.

– Нет-нет, ты не козел, всё правильно сделал. Вы расстались, она в прошлом, похоронена там, теперь ты имеешь право встречаться со мной безо всякой лжи.

«Похоронена?»

Он снова обнимает ее и целует, а я чувствую, как кровь неудержимыми потоками заливает мое пальто, оно уже почти полностью чёрное от нее... Моё сердце кусками вываливается из меня, я слышу это клокотание жижи, я чувствую, как трескается моя кожа... Я осталась здесь, чтобы сказать тебе, как ты важен мне... Чтобы ты нашел меня и похоронил, чтобы слёзы твои залечили мои раны, чтобы я могла уйти, или невидимой дымкой укрывать тебя... А вместо этого ты

вырвал мое мёртвое сердце и сейчас пожираешь его вдвоем с этой ведьмой, которая наверняка не хотела бы оказаться на моем месте, ни за что не хотела бы быть мной!

Мир заканчивается там, где больше нет надежд... Мой мир рухнул в ад, в моих внутренностях острым лезвием вырезают слова, что он сейчас произносит ей... Ей... Кто она? Давно... Был рядом со мной, а потом шёл к ней... Был рядом, я говорила, как сильно я люблю тебя, а ты писал это ей... Был рядом, но всеми мыслями с другой... зачем всё это? Вернулся, был добр ко мне... Зачем? Я не часть твоего мира, никогда не была, и уже никогда не буду... Какой образ я создала? Ты думаешь, что пощадил меня, скрыв от меня правду? Но сейчас я слышу ее, ты этого не знаешь, но я слышу ее, и истекаю своей остывшей кровью от каждого твоего слова! И это сейчас больнее, чем наживую вырвать себе сердце... Ты думаешь, что был добр ко мне, только лишь потому, что был рядом? Делал мне одолжение? Жалел меня? А в мыслях проклинал, и знаешь, что? Твое проклятие сбылось, меня убили! Тот мужчина задушил меня в парке! Слышишь меня, предатель?! Я кричу до хрипоты, до трещин в губах, до хруста в челюсти...

Но крик мой беззвучен. Я бы схватила ее за волосы, и лицом о стену, чтобы ее кровь текла, а не моя, но пальцы мои не в силах сжаться на живом человеке! Я бы вырвала его сердце, как он мое, и раздавила бы его, мерзкое бьющееся сердце предателя, только есть ли оно у тебя? Есть ли у те-

бя сердце, снисходительный ты мой? Я мертва, лежу там в холоде окоченевшим трупом, а ты обнимаешь свою новую любовь... Любовь... Смешно, ты не знаешь, что это такое, никогда не знал! Тебе интересно, где я? Интересно, что со мной? С тем человеком, которого ты называл родным еще пару дней назад? Хочешь знать, что со мной сейчас происходит? Тогда протри глаза, ибо я перед тобой, с дырой вместо груди и осколками ребер – это всё, что мне осталось от вырванного сердца. Не нравлюсь я тебе такой? А какой ты хотел меня видеть? Какой я должна была быть после того, что я узнала? Я чудовище! Из бестелесного призрака я превращаюсь в монстра, и гнев мой и ненависть кормят меня, я упиваюсь ими, как и безумием своим.

Я уйду? О нет, любимый мой, я буду висеть над кроватью твоей, под самым потолком, чтобы кровь моя смоляная на тебя капала изо дня в день! Я буду лежать кусками в выдвижных ящиках твоего рабочего стола: в самый верхний мы положим куски сердца с пульсирующими опарышами – это моя любовь к тебе, береги ее, так она теперь выглядит, да. А в самый нижний – глаза! Просто вырежем их из черепа и бросим туда, чтобы тьма вечная – было единственным, что я вижу. Не ваши счастливые лица в день моих похорон, не семейные фото и ее улыбка, а тьма густая и зловещая!

И я буду везде следовать за тобой без сердца и глаз, привязанная цепью твоего предательства: мёртвая и страшная. И говори больше про меня, про нас, рассказывай, какой пло-

хой я была, это будет питать меня, поливать мою кожу кислотой, пока она окончательно не слезет, оголив иссохшие мышцы, пока я не взвою так, что вопль мой в материальный мир проникнет, и оглушит вас, заставит трепетать от ужаса. И если ты скажешь, узнав в этом чудовище меня, что хотел как лучше, то ей-богу, беги так быстро, как только умеешь, изо всех сил, потому, что я догоню тебя и сожру, вместе с костями и внутренностями... Потому, что мне больше не нужна твоя ложь!

4.4

Рефлексия

Тишина режет воздух ножом. Она утраивает все звуки и разносит меня на куски.

Нельзя упускать ни один момент тишины и одиночества, в них я люблю бездыханно валяться на полу, пока мой потолок ещё не совсем заплёван. Это может длиться день, два, три...

В первые сутки я начинаю бродить по закоулкам своего сознания вдоль и поперёк, искать ходы-выходы, с криком немим падать на колени, руки кусать до крови – не больно.

Не больно...

Мне не больно.

Истерика – это тяжелые, рваные тучи вперемешку со снегом, посреди чистого неба. Сначала солнце светит ровно

и спокойно, но постепенно эта чернота заслоняет свет, сгущается над головой, но солнце всё ещё продолжает светить.

И вот оно скрылось, повсюду поползли тени, и повеяло холодом... В этот момент можно увидеть, что происходит вокруг. Это и есть второй день.

В нём всё опять... опять... опять... Всё опять мечется внутри, и я не могу ухватиться ни за радость, ни за боль. Прямо пропорционально моей способности говорить об этом, слова путаются, словно столетняя паутина. Всё давно загнивает во мне... Я бы могла рассказать о моём бесконечно любящем сердце, например. И о том, сколько во мне небесной нежности.

И как это всё вмиг превратилось в гниющую раковую опухоль, которая сжирает по кусочку от меня каждый день. Я проигрываю себе всё снова и снова.

Остановить.

Внутренний диалог.

Уже не получается.

Я хочу понять, когда это началось??

Я вижу, как пылинки плавно ложатся на поверхность моего стола.

Телевизора. Лампы. Часов. Я вижу, как плавно засыпает день, закрывая своими полотнами мне глаза, уводит за собой во тьму.

За горизонтом виднеется финал – третьи сутки бесконечного падения на самое дно своей заплаканной души.

Нельзя спать. У меня гость. В этот миг комнату озаряет бело-синим цветом, рассыпанным калейдоскопом на стене, таким ярким, что хочется немедленно отвернуться и закрыть глаза.

Одиночество приходит ко мне стройной длинноволосой девушкой со светлыми глазами. Она появляется, как тень на стене, издали кажется, что это силуэт женщины преклонного возраста, но она подходит ко мне ближе, и я едва начинаю различать нетронутые возрастом черты лица.

Она светлая. Она печальная. И то и другое вместе. Самое настоящее одиночество, облачённое в серое пальто. Чёрные птицы кружат возле её груди и плеч.

«Ты ненастоящая, тебя нет, тебя нет...» – шепчу я ей, сквозь слёзы.

Она совсем не слышит меня. Она... Она настолько жестока и равнодушна в своих намерениях, что моё удушающее чувство безысходности доставляет ей только наслаждение. И она подходит ко мне. Нет, она не просто подходит, она уже внутри меня...

Она разливается могильным холодом по моим венам и мышцам, отчего их сводит беспощадной судорогой! Где-то, чуть выше рёбер, я слышу её затаенный голос, он гремит внутри меня, как старый дверной засов, бесконечно повторяя – «Мне очень холодно, Лилит... Боже мой, как же холодно...»

Толчок в спину. Я снова падаю в никуда и... Открываю

глаза.

Я спала? Я всё это время спала?!

Моя привычная комната, с привычными наглухо зашторенными окнами. Я украдкой взглядываю на стену, с ужасом жду, что найду там следы моего ночного гостя, но всё напрасно – ничего нет.

За дверью я уже слышу, как ругаются мать с отчимом. Как же быстро этот ублюдок почувствовал себя хозяином в доме! Но мне плевать сейчас на них, после ночного кошмара по моей спине струится липкий пот и единственное желание на данный момент – это поскорее принять душ и пойти в школу.

– О, погляди на свою дочь! С утра уже выглядит, как проститутка!!! – орёт отчим.

– Не трогай мою дочь, подонок! – ругань продолжается, но я уже не слышу их.

В моей семье даже в душ утром не так-то просто попасть, не получив при этом пару упрёков или оскорблений. Если честно, я привыкла к этому и чаще всего просто не замечаю нападок отчима, игнорируя их и мысленно переносясь в совершенно другое пространство. Но ведь самое худшее в этой ситуации – это то, что я ПРИВЫКЛА к этому. Привыкла к тому, что он ежедневно повторяет мне, насколько я никчёмна и совершенно бесполезна в этом доме, что у меня нет никакого будущего и многое другое.

Вкупе, это всё укладывалось в моей голове слой за слоем,

пока груз от невысказанных обид не переродился в страшного монстра, который стал каждую ночь нащёптывать мне: «убей себя, убей себя... Ты ничтожество!». Голос в моей голове иногда удваивался, а иногда и утраивался, что совсем не оставлял мне шансов пережить темное время суток в здравом уме.

После таких тяжелых ночей, утром я подолгу перебинтовывала свои руки, напрочь изрезанные канцелярскими ножами, точилками и лезвиями. Не могла же я демонстрировать это в школе, меня бы быстренько упекли в дурку. В принципе, это было бы всяко куда лучше, чем жить под одной крышей с тираном и с матерью, которая трясётся над каждым его словом и готова простить ему любые издевательства, которыми он изощрённо пытается меня каждый божий день.

Я не была счастлива ни минуты в этой жизни, поэтому и умирать мне не особо страшно. Нет ничего, что могло бы задержать меня в этом мире или хотя бы дать почувствовать себя чуточку лучше... Но и это меня сейчас не волнует. Меня волнует эта странная девушка в сером пальто, явившаяся ко мне ночью. Что-то в ней было такое тревожное... Понять бы, что...? Как же её зовут?...

5.

Противоположность

– Эй, Лило! Лило, мать твою, проснись!!! – слышу звонкий голос в трубке, – Лило, просыпайся же ты, в школу опоздаем! Я уже вышла из дома и направляюсь к тебе! Ты просто не представляешь, что я тебе расскажу!

Это Ава Лэсли.

Моя единственная подруга и полнейшая противоположность меня.

У неё ярко-рыжие волосы, отменная фигура, правильные черты лица, обеспеченные родители и, конечно же, огромный особняк с двумя бассейнами. При всём изобилии жизни, она достаточно скромна в своих запросах, стараясь не упоминать лишний раз о семейных богатствах.

Для Авы важнее другое – все парни из нашего окружения ни за что не упустят момента щедро насыпать ей тонну комплиментов в уши, что, судя по всему, ей нравится, по этой причине популярность у мужского пола – это уязвимое место Авы, а самый жуткий её кошмар – потерять эту самую популярность.

По школе мы всегда ходим вместе, сидим за одной партой и, конечно же, живём в паре кварталов друг от друга, большую часть внешкольного времени мы стараемся проводить тоже вместе, поэтому я знаю каждый её изъян и все её страхи. Но она доверяет мне, зная, что с моим угрюмым внешним видом и образом жизни, мне никогда не встать вровень с ней. Мне и не очень-то хотелось, хотя бы потому, что мои мысли обычно блуждают по тёмным закоулкам моего воспа-

лѐнного сознания, не желая видеть яркого света.

Мне достаточно общения с ней, чтобы не чувствовать себя законченным отшельником.

– Лило, пожалуйста, проснись! Мы и так опаздываем! – так меня называет только она, мне не очень-то нравится, но я уже привыкла.

– Слушай, можешь пойти без меня? Я приду ко второму, обещаю.

– Ты с ума сошла?! Первым уроком история! Эта старая маразматичка сожрѐт тебя с потрохами, если ты не придѐшь! И потом, ты и так в последнее время сама не своя, что с тобой происходит, может расскажешь? – верещит она.

«Я хочу умереть, Ава! Неужели, ты не видишь?!» – хочется крикнуть ей в трубку, но вместо этого отвечаю, – подождѐшь меня во дворе? Я хотя бы умоюсь...

Быстро сворачиваю одеяло в комок и бегу в ванну.

Дома никого. Странно.

«Идеальное утро, чтобы уйти из жизни», промелькнуло в голове... Нет. Не сегодня. И не так.

У меня совершенно не осталось времени на макияж и причѐску, поэтому я собираю волосы в хвост, передеваюсь, хватаю рюкзак и пулей вылетаю на улицу. Там меня уже ждѐт Ава с недовольным лицом.

– Да, да, я знаю, да, мы уже немного опоздали, ну, прости! – целую её в щѐку.

– Ужасно выглядишь, если честно... Опять не спишь? Всѐ

пишешь по ночам в своих дневничках? Опять о Лори? М? М? – ехидно улыбается она, щекоча меня за правый бок.

– Отстань... Настроения нет. И сна тоже...

– Лил, ну, что с тобой происходит, на тебе же лица нет. Хочешь сегодня посидим в кафе, поболтаем, выпьем наш любимый смузи, заодно расскажешь всё своей подруге?

– Не знаю, Ав... Стоит ли?

– Конечно, стоит, о чём речь?!

Я молчу. Потому что знаю, что уже ничего не имеет смысла.

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. И меньше всего на свете я хочу, чтобы ты, моя милая подруга, была погружена в пучину моего стремительного саморазрушения...

– Послушай... – говорю я ей.

– А? – отвлекается она от мобильного.– Послушай... Тебя когда-нибудь терзали кошмары? Ну, знаешь, такие, реальные, что ты совсем не понимаешь, где сон, а где – реальность?

– Не-а... – она вновь переводит свой взгляд обратно в экран телефона.

Дело всё в том, что я, конечно же, люблю её, но почему-то не могу поделиться с ней своими переживаниями.

Даже не могу представить себе её реакцию, когда скажу, что покончу с этой жизнью через пару недель... Недель ли? Дней? Часов? Я не знаю.. Не знаю...

Не знаю, зачем я спросила её об этом, заранее зная ответ.

Таким жизнерадостным и светлым людям чуждо пограничное состояние, когда есть жизнь и, когда есть смерть.

И, когда есть ты – измученный и раненный, на перекрёстке всех возможных граней, готовый стереть себя с лица земли в любой момент.

Таким людям, как Ава, к сожалению, или, к счастью, никогда не

узнать чувство полнейшей отрешённости, когда ты совсем уже давно не ты, потому что из тела твоего, через грудную клетку, вытянули ржавыми щипцами всю душу, а остатки зашили тупой и не менее ржавой иглой.

Лучше тебе не знать этого, Ава... Лучше не знать никому...

Говорят, противоположности сближаются, и мы явно живой пример этому.

Иногда совершенно не понимаю, почему она дружит со мной, но в тоже время просто обожаю во время школьных обедов сесть напротив неё и слушать бесконечный трёп о шмотках и новинках в мире моды.

Я, вроде бы, в этот момент слышу её, но одновременно улетаю куда-то далеко-далеко...

И на мгновение мне становится уютно и спокойно.

Её жизнерадостный и задорный голос всегда вселяет в меня надежду.

Надежду на то, что моя жизнь однажды тоже может стать

такой же весёлой и беззаботной, как у неё.

Но нет... Меня зовут Лилит Крамер и мне всего лишь 16 лет, а я чувствую, что будто все 70... И это всё, что я могу рассказать о себе при встрече с новым человеком. Мой голос очень тих, несмел и обычно робок. Тусклый огонёк в моих глазах иногда отдаёт зелёным оттенком. Я – противоречие многогранности и молчание уже бесцветит мне губы... Я тоньше лунного света. Я длиннее длинной депрессии. Я – моя жизнь, без меня. Я – это я. Точка.

Анемичность стен и потолочный суицид.

5.5.

Когда во тьму падают черные птицы

Когда во тьму падают такие же черные птицы, она наполняется их жалобными криками. Я ничего не слышу более, кроме этих самых криков. Все рассуждения о ценности, о важности, о воспоминаниях, они рассыпаются в прах, если ты был способен любить, то теперь внутри только могильный холод. И не исправить это ничем, потому, что есть вещи, которые невозможно изменить. Я сгнию там, в ворохе опавших листьев, и черви будут грызть плоть мою, оставляя меня все дальше в прошлом, пока ты будешь улыбаться ей. Ты думал обо мне? Хотя бы одну минуту, одно мгновение, после того, как ушел? Думал, что со мной будет, если я узнаю о твоей лжи? Что будет с моим бедным сердцем? Или же тебе нет

до этого дела? Пока я запоминала в тебе все самое лучшее, ты решал, как избавиться от меня, ведь я мешала твоему счастью... Я была всего лишь проблемой. Представляешь, а я даже после смерти помнила о тебе, настолько сильна была моя любовь... как же это смешно! За моей спиной разворачивался целый мир, другой мир, который был совсем мне неведом, а ко мне не проявили даже каплю уважения, каплю смелости, чтобы сказать мне правду...

Какова она правда, Эйден? Какова она в твоём понимании? Наверное, ты думаешь, что делал все правильно, действовал, исходя из обстоятельств, только я не обстоятельство, я живой человек, я целый мир, вселенная, бесконечный космос, который ты засунул в банку и забыл. Заставь теперь забыть меня, вынь это из меня, иначе, я клянусь всеми светлыми воспоминаниями, я найду способ достать и твое сердце!

Когда во тьму падают черные птицы, это означает лишь одно: они больше не могут летать, они... мертвы...

Я лежу на крыше его дома и смотрю, как день сменяет ночь, как звезды рассыпаются надо мной тысячью галактик. Этот мир будет все так же существовать, ведь никому нет дела до какого-то разбитого сердца, когда столько трагедий происходит каждый день. Кто-то теряет детей, кого-то съедает болезнь, а я была еще относительно счастлива потому, что жила в неведении, и умерла в нем же... Раствориться бы мне в тишине и улететь с теми птицами, но я предпочла до-

ползти до тебя, как раненное животное... и что я узнала? Что ты будешь только рад моей смерти, ведь это означает одно – я больше не помешаю тебе... Ты будешь счастлив теперь? Ох, какой же ты подлый! Ты выставил меня сумасшедшей перед своей новой женщиной. Чтобы вы вдвоем радовались избавлению от меня. Я ваш общий враг, я проблема. Но я не была врагом тебе, никогда! Ох, если бы у меня были руки, я бы вцепилась в глотку твою, и тогда бы посмотрели, как визжала бы твоя новая любимая, охваченная ужасом. Ты хотел выставить меня чудовищем, неуравновешенной психопаткой, так почему тогда я должна была бы вести себя иначе? Вгрызться бы в артерии и вены твои, чтобы утолить жажду боли. Я хочу, чтобы тебе было больно, как мне сейчас... Когда я разлагаюсь и захлебываюсь в ненависти своей! Я хочу, чтобы тебе было невыносимо больно, лжец, чтобы ты каждой клеткой прочувствовал всю низость своих поступков, чтобы ты до капли испил отчаяние! Я хочу, чтобы ты узнал, каково это быть мной, слышать эти слова, узнавать сокрытую истину! Давай, солги ей, что будешь любить ее всегда, что искал такую как она всю свою жизнь, что она дорога тебе, лги тысячи раз, а потом брось подышать в канаве, посыпая проклятиями! Чем я хуже? Почему именно я заслужила это? Если существует предел, то это он!

Нет избавления ни в забвении, ни в смерти, и я молюсь неведомым мне богам молча, посылая свои мысли во вселенную: «Избавьте меня от этой тьмы, пока я сама ей не ста-

ла, не переполнилась до края, и щупальцами не поползла душиТЬ все живое! Я была доброй... была..., но меня предали, убили, оболгали..., я была..., и теперь меня нет!»

Что остается после любви? Во что она превращается, если ее вырвать из сердца? Если ее облить грязью, истыкать иголками и подвесить на крюк? Она выпустит щупальца, она превратится в ненависть, которая заполнит всю пустоту... Я чувствую, как трескаются мои вены от черной жижи, как она течет по крыше вниз, и маслянистыми нитями свисает до самой травы... Я не сопротивляюсь этому превращению... Я больше ни во что не верю. В справедливость, в преданность, дружбу, любовь... Ты был для меня всем, я сама виновата, что столько смысла вложила в тебя, ведь ты не просто ушел, ты убил во мне все светлое, и сейчас я пульсирующий сгусток боли и обиды. И всё, что я хочу – чтобы ты гнил рядом со мной в том ворохе прелых листьев, ведь ты клялся мне в любви до конца, так вот он, конец, он настал, а ты все еще жив! Не пришла ли пора сдержать свои обещания? Отдать долг?

Я улыбаюсь, и лицо мое так же трескается от этого звериного оскала. Я монстр, холодный, мёртвый, наполненный пустотой и злобой. Ох, что вы, что вы, не прерывайте своего праздника жизни, своих счастливых минут, не ищите меня и не пытайтесь понять, что со мной стало, ведь я рядом, я впитываю каждую секунду вашего лучезарного счастья, вашей радости на моих похоронах, и трансформирую

их в обратную силу, которая ворвется в вашу жизнь безумием и отнимет ВСЁ, чем вы дорожите! Меня некому судить, меня уже приговорили заранее к этим мучениям, и если есть на свете какая-то высшая справедливость, то сейчас она медленно течет по венам моим чернотой, заполняя мое бесплотное тело, эту проекцию.

Вы встанете с утра и будете готовить завтрак... она будет, конечно же, она... любящая женщина достойного мужчины, без тени сомнения в своем избраннике, ведь ради нее он такой милый... А я буду рядом, сидеть за вашим столом, и из моего рта будет течь эта безысходность, крошечным черным маслом на белоснежные поверхности. Вы будете лежать на кровати, обнявшись и улыбаясь друг другу, а я прилягу на краю, ледяным холодом мертвеца. Я знаю, что вы будете чувствовать мое незримое присутствие, знаю, что не поймете, но каждый фотон света я буду превращать во тьму, частица за частицей, пока он полностью не исчезнет для вас. Пока ты, Эйден, не умрешь мучительной смертью, как я, твоя преданная любовь, твоя радость! Улыбайся, мразь, до последнего, смейся, радуйся, дари ей цветы! Если у меня когда-то будет могила, я приглашу ее туда, в мой новый дом, такой же безмолвный и холодный, как и я. Пусть она прочувствует весь тот ужас, что испытала я, пусть она увидит, каково это – умереть так рано, умереть преданной, умереть раньше физической смерти, в сердце того, кого ты любил больше жизни, и гнить там вместе с черными птицами.

Я никуда не уйду, теперь уже точно, у меня есть смысл, и лучше вам не знать всю глубину боли моей! Когда во тьму падают черные птицы, они становятся частью этой тьмы...

6.

Анабель.

Тик-так, время вставать.

Ленивые выходные в королевстве сахарной ваты и пони. Анабель, такое прекрасное имя.

Анабель была любима матерью, как самое светлое дитя, Анабель верила в любовь, в принцев, в сказки, росла хорошей девочкой, училась лучше всех в классе и носила роскошные волосы. Анабель и ее розовые пони. Анабель и ее маленькие тонкие пальчики, играющие на пианино нетленную классику, неловко, неровно, но так настойчиво. И все в восхищении хлопали в ладоши. И мать гордилась ей, покупала ей такие же кукольные платья, водила на уроки рисования и музыки. Только Анабель умалчивала, как ненавидела все это, и свою настойчивую мать, которая упорно хотела идеальную дочь, которая деспотичной любовью своей душила ее.

Сахарная принцесса играет ту же мелодию и тринадцать лет спустя. Анабель все та же, Анабель вызывает восхищение. Носит светлые платья, распущенные волнистые светлые волосы, ангельскую улыбку и... комок чёрной слизи внутри.

Анабель улыбается, а слизь внутри клокочет. Анабель переворачивает ноты, а тьма сама поёт под сердцем у нее... Анабель привыкла, что в ее королевстве все пони привязаны, а вся вата принадлежит ей. А теперь Анабель решила, что эта новая игрушка по имени Эйден тоже будет ее. Она могла выбрать кого угодно, эта прекрасная принцесса, но ей приглянулся он, ничем не примечательный принц без коня, бесконечно рассказывающий сказки. Была лишь одна маленькая проблемка – живой человек, который любил его, и, который, не подозревая об ее существовании, делил с ним свои мысли и будни...

И вот, все замки в голове построены, все будущее расплано, и эти тонкие пальчики уже стучат по крышке моего гроба. НИКТО так сильно не желал, чтобы я исчезла, умерла, растворилась. Никто, кроме этой принцессы, даже Эйден. Нет, она не убивала меня, но лучше бы убила, ведь что может быть страшнее, чем быть похороненной заживо, задыхаясь в тесном гробу, пока оттуда, с поверхности, доносятся звуки веселой музыки? Там праздник, в королевстве сахарной ваты и розовых пони, там мои похороны. Заранее! А я кричу, я задыхаюсь, но НИКТО меня не услышит, сделают музыку погромче, чтобы вопли мои навсегда канули в Лету! Анабель старательно затирает воспоминания обо мне, Анабель и ее комок тьмы очерняют меня, все поступки мои, все слова мои, все чувства к нему... Я мертва всего несколько дней, но уже стала той главой жизни, что стыдно вспоминать... Я

мертва всего несколько дней, а уже выгнила в его душе, разложилась на атомы... И они вдвоем хохочут, обсуждая какие-то моменты, связанные со мной, называют меня сумасшедшей.

Ах, бедный Эйден, какой же ты был несчастный со мной, да? Засыпал рядом, держа руку мою, и был несчастен? Целовал меня и думал, как бы избавиться от меня? Я так сочувствую тебе, любовь моя. Вот, держи мое сердце, зачем оно мне? Вместо него теперь во мне пустота!

Я рывком раздираю свою рассыпающуюся плоть, ломая ребра, чёрная жижа течет на скатерти, прямо на стол, на котором я сижу. Она заливает все вокруг, белые кроссовки Анабель, ее светлые джинсы... А Анабель заходится звонким смехом принцессы и ест оладьи с черникой, которые все уже забрызганы моей гнилой кровью.

Я вынимаю сердце и кладу его рядом с Эйденем, копающимся в своем телефоне. Забирай его, слуга принцессы, можешь сожрать его вместе с ее оладьями, на вкус оно точно такое же, как это дерьмо! Как ты, кусок подлого дерьма! Не слышишь меня? Не видишь меня? А жаль!

– Ты представляешь, – прерывает ее щебет Эйден, – Лора пишет, что Тера пропала, телефон у нее отключен, она не появлялась в сети несколько дней. Лора заходила к ней вчера, но ее не было дома. Может, что-то случилось?

– Ой, да брось, вы поссорились, она корчит из себя жертву, хочет тебя вернуть.

– Может, всё-таки стоит проверить, у меня же есть ключи!

Лицо Анабель искривилось и едва не выдало чёрную слезу внутри нее.

Тик-так, Анабель, время быть собой, время снять маски! Я наклоняюсь к ней, мои волосы волочатся по черничному варенью на ее оладьях. Время показать свою сущность, лживая принцесса!

– Я не намерена это терпеть! Она просто хочет выманить тебя к себе домой, не смей туда ходить!

– Хорошо, как скажешь, – тон его спокоен.

Взгляни на свою принцессу, Эйден! Оторвись от экрана телефона и посмотри на нее. Её лицо перекошено, а глаза полны ненависти – ненависти ко мне! За что? Что я вам сделала? Что я сделала ей? Дай ей лопату, и она сама закопает мой труп, чтобы ты больше никогда не видел меня и даже не знал место моего захоронения. Дай ей пилу, и она сама расчленит меня на кровавые куски и скормит своим пони. Ты дурак, раз не различаешь это чудовище внутри нее!

Я смеюсь, но чёрные птицы вторят мне за окном, нарушая сказочную, солнечную идиллию. Они теперь часть меня, и только они выдают мое присутствие, присутствие чего-то мёртвого и потустороннего в королевстве сахарной ваты. Прошу вас, улыбайтесь, продолжайте непринужденно пить чай, я всего лишь умерла, какая малость! Нет-нет, не прерывайтесь, и даже не пытайтесь понять, каково это, когда тебя убивают, и какова на вкус ваша правда!

Эйден тянется за сахарницей и задевает чёрное сердце на краю стола, оно падает на пол, и всё внутри меня замирает.

Здравствуй, пустота, поговори со мной, только ты и осталась у меня, только ты тянешь ко мне руки свои плети. Обними меня и не дай отчаянию превратить меня в призрака вне времени. Обними меня, мне так больно! Невыносимо больно от каждого их слова, от этих счастливых улыбок, от запаха ее роскошных волос. Если существует сила, что во сто крат злее всего этого, пусть она заставит их заткнуться, пусть она закроет ее рот, я больше не хочу слышать и слова! Я больше не хочу слышать ее смех! Они все должны страдать! Каждую минуту своего существования, проклиная то, что до сих пор дышат! Обними меня, ибо отчаяние мое велико, оно уже часть меня, шепчет мне на ухо, и заставляет истекать застывающей гнилой кровью.

Тик-так, Анабель! Время вставать. Из могилы моей безымянной, из еще такого близкого прошлого.

Тик-так, время играет против тебя. Для меня его не существует более, а вот ты бойся, ведь оно сближает нас, и скоро ты будешь чувствовать эту нестерпимую вонь от моего разложения. Ты любишь чернику? Что ж, я тоже. Для тебя я надену лучшее свое черничное платье, пышное, как в твоём детстве, принцесса, и встану в нем на пороге, истлевшая до самых костей. И никуда тебя не отпущу, пока ты не сгниешь вместе со мной, мразь!

6.6.

Транквилизатор (ы)

Я лежала в ванной, мне слышалось, что за стеной кто-то тщательно затачивает ножи. Этот звук сопровождался завыванием и свистом ветра, порывы которого то периодически утихали, то становились громче и сильнее.

Всё вдруг затихло. И в этой тишине еле слышно играла мелодия из детских шкатулок с миниатюрными балеринами. Где – то я слышала этот мотив... Я всё силюсь вспомнить, но стоило мне только приложить ухо к стене, как меня резко оглушил жалобный крик молодой девушки.

Это всё там же: за стеной!

Страх мгновенно окутал моё изменённое сознание, но тело оставалось неподвижным. Там может быть целая Вселенная! Целый другой мир и путь к ней преграждал только этот страшный ветер вперемешку со скрежетом металла.

И она.

«Кто ты?» – спрашиваю я и начинаю царапать стену в ванной ногтями. Мне нужно пробраться туда, я хочу знать, зачем она является ко мне!

Вода стала наполнять пол в ванной настолько быстро, что я начала отчаянно хватать воздух ртом, лишь бы не задохнуться. Только зачем...?

Мои пальцы в крови, но я не чувствую боль, только

продолжаю отдира́ть куски штукатурки от стены, оставляя на ней ошмётки своей кожи.

«Кто ты?!» – почти кричу я, хватая себя за голову. Вода уже почти дошла до бортиков ванны, с каждым сантиметром становясь всё чернее и чернее.

Крик девушки повторился, но на этот раз внутри моей же головы, от чего я в мгновение прекратила любые свои действия, уставившись в стену.

Я боюсь пошевелиться, вдруг она меня снова увидит? Или услышит? Как она меня находит?! Кем она себя возомнила, что может вот так запросто залезть ко мне в голову?!

Вода неожиданно стала багровой, превращаясь в тяжёлое месиво, сжимаясь ровным кругом вокруг моей талии.

«Лилит.. Ли-ли-т...» – её злобное шипение эхом отдаётся у меня в голове.

Мне становится невыносимо холодно. Так холодно, будто меня только что положили в гроб и зарыли в землю самой поздней осенью, которая всегда полна ливнями и ветром. Дождь заливает землю, а ветер разносит это на много миль вокруг, тем самым делая почву мягкой. И вот она мутной жижей стекает в мою единственную обитель, обволакивая толстым слоем пронзительного и леденящего. Это так холодно, что зубы мои стали отбивать чёткий ритм, остановить который я была не в силах. Безысходность побеждает меня, втыкая в болезненные точки моего тела шприцы с транквилизаторами.

И после мне остаётся только смириться и пустить в свою кровь настоящее безумие. Разлить это сумасшествие в последней стадии в каждый уголок моего тела, дать всецело поглотить мозг. Я безумна? Если я безумна, то откуда эти каштановые волосы, клочками выплывающие из воды?

– Лилит!! – молнией пронеслось около правого уха, – Лилит!, —

голос снова повторился, но уже с левой стороны.

– ДА КТО ТЫ ТАКАЯ!?? – собственный крик насквозь пробивает мне оба виска. Мне нужно просверлить себе дырку в башке, чёрт побери, это единственный способ избавиться от неё! Хватаю с полки маникюрную пилку и начинаю расковыривать ею свой затылок. Ничего не выходит... Ничего не выходит!!! Она становится всё только ближе и ближе! Я чувствую её присутствие за своей спиной, сопровождаемое тяжёлым дыханием, нацеленным прямо в мою спину. Я вижу её краем глаза у левого плеча...

– Ты должна понять, они все предают... Они обещают быть рядом, но все предают... Ты же не предашь меня, Лилит? – её голос стал мягким и убедительным.

– Пожалуйста... Пожалуйста, уходи, мне страшно! – сквозь слёзы отвечаю я.

– Если ты только сможешь пообещать мне... Если ты только будешь в силах сдержать свое обещание... Мы заставим их страдать... Их всех!

– Я не понимаю, о чём ты! Кто ты и кто должен страдать?!

Ответь!

– Все рано или поздно предают. Все те, кого мы любим, кому мы верим... Чудовища среди нас, Лилит, они каждый день ходят на работу, они пьют кофе, они разговаривают с тобой... И ты никогда не отличишь их от обычных людей. Я не знала, за что меня убили. Что я сделала тому человеку, кто задушил меня? Что? И лучше бы тебе никогда не познать насколько велико отчаяние мое! Лучше бы не видеть тебе черноты моей, но ты сама позвала меня... Всей своей болью и одиночеством... И вот я здесь... Не бойся, мёртвые не умеют причинять вред...

– Я сошла с ума! Тебя нет! Тебя нет...? Постой... Мне кажется, я знаю тебя! Ты снилась мне однажды! Но как же так?! Кто убил тебя?! Ответь, я хочу помочь тебе!

– Я плод твоего воображения, твои страхи, твоё отчаяние, и ты сама, не ведая того, звала меня протяжным воем своей погибающей Вселенной... Я услышала тебя, я здесь, и если ты пойдешь со мной, если ты готова заглянуть дальше, ты никогда не будешь одинока, я... не оставлю... тебя...

– Как тебя зовут?

– Здесь ничего не имеет значения, ни имена, ни воспоминания, я часть тебя, часть каждого, кто в отчаянии кричит в пустоту. Я Тера, и ты должна пойти со мной, Лилит. Ты должна пообещать мне, что не предашь меня! Я так долго искала тебя, идя на твой внутриутробный зов. Никто не видит призраков, если они только не связаны с ними. Ты пони-

маешь, что это значит, Лилит?

– Н... нет, если честно, не очень... Зачем тебе я?! Мне страшно только от одного твоего присутствия! Твоя ненависть несоизмерима. И твой голос гремит внутри меня, будто дверной засов... Тера... Пожалуйста, скажи, кто убил тебя?

– Ты так же нетерпелива, как и твой отец, так же полна ненависти ко всему живому, но при этом ты совсем другая. Идем со мной, и я покажу тебе мир таким, каким ты его никогда прежде не видела. И ты более не захочешь умирать! А после... Я расскажу тебе, кто убил меня...

Отец? Она знает моего отца?! Да что, чёрт подери, происходит?!

Бесконечный поток мыслей неожиданно прервался мерзотным звуком будильника, от которого меня словно толчком в спину, выпихнули обратно в этот ненавистный, материальный мир... И снова – доброе утро нового дерьмового дня! То есть, это снова был всего лишь сон!?

Снова эта девушка, но на этот раз она была реальнее обычного...

Она была внутри моего тела, будто взяла верх надо мной! Я обязана вспомнить её имя...

Тесса? Тетта? Тиффани?

Нет, Боже, как же её звали... ТЕРА! Определённо, Тера! И у меня ощущение, что она в опасности, и должен быть способ хоть как-то помочь ей! Но она сказала, что она мертва... Почему же она пришла именно ко мне?

Что я сделала такого? Или не сделала... А что она говорила про моего отца?...

Вопросов было больше, чем самих ответов... И то – очень невнятных, лишённых всякого здравого смысла ответов! Здравого... А в своём ли я уме?!

Пока я пыталась собрать эти кусочки пазла из своих же сновидений, напрочь забыла про орущий будильник. «Да заткнись ты!» – бью кулаком по нему, отчего он с грохотом падает на пол.

– Лилит, просыпайся и иди в школу! – слышу голос матери за дверью.

Школы мне только сейчас не хватало... Но выбора нет. Я откидываю одеяло и... вижу на своей простыне клочок волос нежно-каштанового цвета! В ужасе вскакиваю с кровати, прижавшись к холодной стене. Боже, чьё это!? Откуда это здесь!? У меня никогда в жизни не было таких длинных волос! И уж тем более такого цвета! Дыхание сбилось, став свинцовым, волна всепоглощающего страха вновь накрыла меня с головой...

Это Тера... Она была здесь!

7.

Гниль

Однажды я чувствовала любовь. Запредельно сильную и красивую, о которой пишут в книгах. Этой любви посвяща-

ют целые главы, наполненные небесной нежностью. Не надышаться, не перечитать. Где-то в районе пупка, поднимаюсь к груди, любовь порождает тепло и трепетание, иногда такое сильное, что кажется, будто можно подняться над Землёй и обнять её целиком.

Но вот она доходит до шеи, сжимаясь узкой петлёй поперёк горла, обхватывает своими щупальцами и не оставляет выбора. Любовь испепеляющая, о которой после говорят люди с разбитыми сердцами.

Их глаза безвозвратно пустые, уголки рта опущены, улыбка больше никогда не коснётся их. Они уже потеряли кого-то. И с той самой потери эта мысль не покинет головы. Очень далеко, в тихом и укромном месте, на самом краю души ещё теплится надежда, что этот, невосполнимо нужный человек ещё твой. И сердце его всё ещё бьётся в такт с твоим.

Но нет. Никогда.

Лори...

О, Лори, мой темноволосый принц с глазами-льдинками.

Я однажды подарила тебе своё сердце, взамен получив зияющую дыру в груди. Я чувствовала внутри себя счастье и так сильно обжигалась ревностью. Как жаль, что ты не заметил. Ты даже не обернулся в тот момент, когда каждый твой отдаляющийся от меня шаг словно молотом бил меня в спину...

Я не виню тебя, нет. Разве есть в том твоя вина, что я сама себя бросила в жертвенный огонь? Как сейчас помню нашу

первую встречу – ты был такой чудной, пытался всех разве-селить, да только кому нужно было веселье в этих местных клубах с грохочущей музыкой, куда все приходят, чтобы за-лить свои проблемы алкоголем. И вот я. В пучине своих бес-конечных мыслей, с таким же единственным желанием убе-жать от проблем в семье и точно так же, как и остальные за-полнить внутри себя пустоту алкоголем. Хоть чем-нибудь.

– Привет...

– Привет... – и наши взгляды в тот вечер не размыкались ни на секунду.

Я стою у порога своего дома с клочком салфетки, акку-ратным почерком в ряд встали цифры мобильного, с подпи-сью «Лори».

Помню, милый мой, я с этим обрывком пролежала всю ночь в обнимку, как будто бы бумага может хранить тепло твоего скромного поцелуя, которым ты одарил меня после первой встречи.

Мой прекрасный, я готова была бежать быстрее всех рас-светов, лишь бы поскорее почувствовать всей своей кожей твоё присутствие.

На дворе морозная ночь, открываю окно в своей комнате и вижу тебя под балконом.

Я помню свои холодные ладони на твоих щеках. Они все-гда гладкие и тёплые. И мне тепло.

Мне было тепло, когда я целовала твои продолговатые гу-бы.

Наутро приходилось размыкать объятия, чтобы никто в доме не заподозрил, что в моей комнате ночует кто-то ещё, а тем более – мужчина! Я помню – и это всё, что остаётся мне теперь. Потому что потом что-то в тебе сломалось. Отдалилось от меня бетонной стеной.

– Я ухожу – говоришь, – нам не по пути с тобой. А я в этот момент готова прыгнуть в пропасть.

– Пожалуйста, не уходи. Ведь у меня нет никого, кроме тебя...

– Я тебя всё равно никогда не любил, – говоришь мне, а я не верю, что это ты.

Нет, нет. Мой герой, мой любимый, что у нас с тобой пошло не так?

Хотя, нет, не отвечай, я знаю... Зачем тебе такая сумасшедшая, готовая изрубить себя в любую секунду? Нужна ли тебе я – потухшая и безжизненная, когда внутри тебя кипит огонь, и вся радость мира отражается в твоих глазах. Я устала. Ты устал. Я не смею больше держать тебя в задворках своей памяти, тебе не место здесь. Ты, я знаю, видел, как я загниваю изнутри.

Иногда мне снится, как я вскрываю себе грудную клетку, а там – мрак и гниль.

Разве тебе, сердце моё, будет ли тебе приятно жить в этом тухлом, дряхлом мире?!

Пожалуйста, будь счастлив, а я буду дальше проживать эти сменяющие друг друга, ничего не несущие дни. Заглядывая

в глаза проходим, чтобы найти хоть частичку тебя. Всё тщетно... Я закрываю эту главу жизни, я дописываю свой дневник, пусть в нём твоё имя будет последним.

Не плачь обо мне, Лори, меня не будет очень скоро. Потому что любовь моя превратилась в раковую опухоль, в обезображенный кусок внутренностей, что находится за вторым ребром слева. Потому что, если мне придётся жить воспоминаниями о тебе, то лучше не жить вовсе...

7.7

Лилит

Вчера к Эйдену приходили полицейские. Я мертва уже две недели, и черные птицы скребутся в груди моей. Лора все-таки забила тревогу, и мой дом вскрыли. Посуда, покрытая плесенью, и десятки неотвеченных звонков. Я мертва, а как вы думали? Лора долго плакала, ее сердце чувствует, что случилось что-то ужасное. Единственная моя близкая подруга, прости меня... Не плачь. Конечно, она рассказала об Эйдене, конечно, они пошли к нему. Эйден был бледен и еле складывал слова в предложения, мысль о том, что я все-таки могу быть мертва, напугала его. Да, ему пришлось сознаться, что мы расстались (ну, хоть кому-то поведал правду), иначе он бы не смог объяснить, почему две недели не интересовался тем, где же я? Да, на него пали подозрения, но думаю, это ненадолго.

Когда они ушли, он закрыл дверь, сел на порог и уткнулся лицом с ладони, мне даже показалось на какое-то мгновение, что он плачет. Из комнаты вышла Анабель, она слышала весь разговор, но в сердце ее столько льда, что весть о моей возможной кончине только обрадовала ее.

– Не бойся, у них ничего нет против тебя!

– Я не этого боюсь...

– Ну, а чего же? – она присаживается рядом с ним и гладит его по волосам.

– Возможно, ей нужна была помощь, возможно, она умирала где-то и звала меня, а я не пришел и даже не попытался.

– Она в прошлом!

– Да, но не в таком, чтобы умирать! Понимаешь? Я мог помочь ей, и где теперь она? Что с ней?

– Какая разница? Забудь, жизнь продолжается.

– Ты так говоришь, словно уже похоронила ее, возможно Тера еще жива!

– И что с того? Жива, мертва, какая разница? Ее больше нет!

– Ты с ума сошла? Пусть она исчезла из моей жизни, но это не означает, что она вообще должна исчезнуть, я не хотел, чтобы она страдала, она была мне не чужим человеком.

– Ну и что? Кинешься ее искать? Это бесполезно, ты наконец-то избавился от нее, как и всегда хотел, ты не виноват в ее исчезновении, так что живи спокойно, всё кончено.

Он посмотрел на нее очень странным взглядом, словно увидел очертания того комка черной слизи. Она не милая, Эйден, она не добрая, присмотришься внимательнее, в принцессе целое кладбище тех, кого бы она с радостью похоронила бы!

– Не будь такой жесткой, я и так плохо поступал с ней. Тера любила меня!

– Тера, Тера, Тера, хватит уже о ней, подумай о себе, ты не обязан подчиняться ее прихоти, ты теперь со мной, МЫ пытались ей помочь, но, видишь ли, новость о том, что у тебя давно есть другая, так и так убила бы ее, сам же говорил, так что ты не виноват.

– Может она и не хотела ничего с собой делать, может кто-то на нее напал? Лежит она сейчас где-то в больнице и ждет, что я ее найду!

Анабель прищурилась, ее тонкие пальчики задрожали.

– Ты теперь со мной, мы все должны решать вместе, МЫ не будем ее искать!

Она встает и спешно уходит в комнату. А там я, сижу на ее туалетном столике, спиной к зеркалу. Анабель садится напротив зеркала и смотрит на свое отражение сквозь меня. Как жаль, что она не видит меня, не видит моей разорванной грудной клетки, моего белого лица. Бедная принцесса, даже после смерти я продолжаю мешать ей. Домик из печенек не строится, а в колодце из зефирок всплыл внезапно труп, который она так старательно топила. Не отчаивайся,

принцесса, ведь я на самом деле мертва, так что бери этого безвольного Эйдена и строй дальше свой замок.

– Чёртова мразь! – она нервно расчесывает волосы. Я улыбаюсь: как же она ненавидит меня! Всем своим существом, ту несчастную девушку, которую обманывал ее возлюбленный. Не хочешь ли поменяться местами, принцесса Анабель? Я буду есть оладьи, а ты – гнить где-то в лесу. Я – обнимать Эйдена, а ты – захлебываться в собственной крови. Я – смотреть в зеркало, а ты – сидеть мертвой рядом со мной. Я уверена, что тебе понравится быть мной, быть тем крючком в воспоминаниях Эйдена, что не дает счастливо ему коротать время с тобой. Быть прошлым, быть ничем... Ох, посмотри на меня, вот она я, здесь, перед тобой, но меня не убить дважды. Анабель привстает и наклоняется к зеркалу, ее губы так близко к моим, что я вижу цвет ее помады, я чувствую ее сладкий запах, запах ванильной глазури на просроченном пирожном. Съешь его, и тебе будет невыносимо плохо от болей в желудке. Отравленная до самых костей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.